

ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНЪЮНКТУРЫ И ВНУТРЕННЯЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

Уникальное геополитическое положение Кавказского региона обеспечило ему внимание со стороны внерегиональных акторов. Если до распада Советского Союза данный регион выполнял функцию связующего звена через Иран и Черное море с внешним миром, равно как и оборонительного щита, то после распада СССР регион приобрел еще большее значение. Учитывая современные геополитические реалии (включая правовые вопросы Каспийского моря), роль Кавказского региона выходит за рамки лишь транспортного коридора для энергоресурсов из прикаспийских и центральноазиатских государств. Кавказский регион соединяет север и юг, запад и восток, являясь перекрестком двух великих религий мира – ислама и христианства и обеспечивая доступ к регионам Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии.

Обладая широким спектром геополитических и геоэкономических преимуществ, Кавказский регион в период после окончания «холодной войны» все чаще становился объектом внимания российских и зарубежных исследователей. Многие ученые изучают вопросы политической нестабильности на Северном Кавказе и функции Кавказского региона в целом, а также влияние международных и внерегиональных акторов: Т. де Вааль, М.Джалали, М.Месбаи, М.Джеликбала, И.Д.Звягельская и другие.¹ Такие исследователи, как Э.Бергер, Креймер и др.,² уделяют особое внимание различным аспектам безопасности, а также вооруженной и террористической активности и проблемам контроля над насилием в Кавказском регионе:

Последние два десятилетия насильственные инциденты регулярно происходят в различных точках Северного Кавказа. В 2000-е гг. произошла определенная территориальная локализация – так, для большинства граждан России вооруженный экстремизм, включая терроризм, прочно связан с событиями именно в этом регионе. Активность вооруженного подполья в регионе носит циклический характер: очередная (хотя и временная) эскалация в 2013 г., накануне Олимпийских игр в Сочи зимы 2014 г.,⁵ последовала за определенным спадом вооруженного экстремизма и терроризма, который, в свою очередь, пришел на смену росту числа вооруженных нападений с конца 2000-х гг. (сопровождаясь, однако, снижением их интенсивности и смертоносности, по сравнению с периодом начала-середины 2000-х гг.).

Криминально-террористические действия, осуществляемые немногочисленными группами на обширной территории Северного Кавказа, достигают эффекта «присутствия везде». Эти действия носят характер тщательно спланированных и подготовленных точечных ударов, наносящих

* Статья подготовлена в рамках работы по государственному заданию ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований по теме «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (№ 0260-2014-0005).

ущерб подразделениям федеральных сил и правоохранительных органов при минимальных издержках самих бандгрупп.

В северокавказских республиках активно осуществляются контртеррористические операции, направленные на нейтрализацию участников бандгрупп. В рамках борьбы с бандподпольем (2011–2012 гг.) все чаще применялась военная авиация и артиллерия, успешно осуществлялись совместные операции по ликвидации боевиков в приграничных районах. Это дало ощутимые результаты, но подобный силовой инструмент не привел к окончательной стабилизации в регионе.

Согласно статистике насильственных инцидентов в населенных пунктах республик Северного Кавказа за 2014 г. – февраль 2016 г., их общее число составило 312 акций. При этом на Дагестан пришлось 168 инцидентов, на Чечню – 54, на Ингушетию – 54, Кабардино-Балкарию – 28, Северную Осетию-Аланию – 11 насильственных инцидентов.⁷ Исходя из приведенных показателей понятно, что Дагестан лидирует по числу криминально-террористических актов. Именно в этой самой полиэтничной республике Российской Федерации фиксируется существенное влияние «Исламского государства» (террористическая организация запрещена в РФ): с 2014 г. отмечается массовый исход боевиков в ИГ. В июне 2015 г. многие боевики Дагестана, Чечни, Ингушетии, КБР, КЧР присягнули на верность лидеру ИГ Аль-Багдади.⁸

Во внешнеполитическом плане, участие России в военных действиях на территории Сирии с 30 сентября 2015 г. и временная дипломатическая конфронтация России и Турции в конце 2015 – первой половине 2016 г. имели неоднозначные последствия для Кавказского региона. С одной стороны, военная операция России в Сирии вносит свой вклад в военное давление на ИГИЛ в Сирии и определенное сокращение территории под ее контролем, тем самым способствуя подрыву вооруженного потенциала ИГИЛ и сокращению притока в ее ряды иностранных боевиков. С другой стороны, относительное ослабление ИГИЛ может привести к расползанию его вооруженных адептов, в первую очередь, в рамках региона на перекрестье Турции, Сирии, Ирака, Ирана и Кавказского региона, ситуацию в котором дополнительно осложняют обострение курдской проблемы и турецкие интервенции в Ираке и Сирии.

Опасной тенденцией в связи с активной ролью России в Сирии является «экспорт» боевиков в ИГ – Россия находится на третьем месте среди всех государств, «поставляющих» боевиков в ряды этого и ряда других радикально-исламистских вооруженных группировок на Ближнем Востоке. Было выявлено свыше 2,9 тыс. россиян, подозреваемых в причастности к деятельности международных террористических организаций в Сирии и Ираке. Большинство боевиков являются выходцами из Чечни и Дагестана. Из граждан других стран Кавказа, на втором месте по численности боевиков, уехавших воевать в составе радикальных группировок в Сирии и Ираке, после северокавказских республик, – граждане Азербайджана и Грузии.

Существует опасность того, что боевики ИГ из стран бывшего СНГ, вернувшись домой, окажут серьезное влияние на и без того хрупкую ситуацию на российском Кавказе и в центральноазиатских республиках. Чем больше Россия вовлекается в сирийский конфликт, тем строже становится пограничный

контроль, тем чаще проводятся превентивные задержания; более 800 дел заведено в отношении ее граждан, возвращающихся с Ближнего Востока и подозреваемых в том, что они воевали на стороне вооруженных группировок в Сирии и Ираке.

Переход выходцев с Северного Кавказа, воевавших в Сирии, под знамена ИГ в 2015 г. и публичные присяги Аль-Багдади отчасти оказались на руку руководству Чечни, не только обеспечив серьезный отток боевиков на Ближний Восток, но и обусловив усиление роли силовых структур в борьбе с банд/террористическим подпольем. Впрочем, среди вступивших в ряды ИГ есть и этнические русские, которые приняли ислам и втянулись в процесс радикализации, в том числе посредством онлайн-общения, под влиянием радикальных проповедей и вербовщиков (в случае с В.Дорофеевым, В.Карауловой и др.). Все это делает очевидным необходимость выстраивания диалога на религиозной почве между северокавказскими республиками и федеральным центром России с целью нераспространения радикальной идеологии в стране.

Важно учитывать, что изменения международной конъюнктуры временно сместило фокус с событий на Кавказе, отвлекая внимание населения и властей от реальных проблем Северного Кавказа. Республики Северного Кавказа по-разному реагируют на экономическую и политическую нестабильность последних лет, а государственные и общественные институты в некоторых из них явно деградируют. По данным официальной статистики за I квартал 2015 г., уровень жизни населения республик Северного Кавказа значительно снизился. Доля безработных в СКФО достигает 11,2%. Из 4 млн. 481 тыс. человек экономически активного населения округа 507 тыс. безработные. Также основными тенденциями последнего времени стали снижение доходов населения в бюджетном секторе, рост доли теневой экономики в регионе (по разным оценкам, свыше 80%) – по данным Росстата за февраль-апрель 2015 г., она не превышала 50%.

Помимо внутренних социально-экономических проблем Северного Кавказа, в регионе сохраняются и разногласия религиозного толка, в том числе в области политики в области религии. В начале февраля 2016 г. Р.Кадыров поддержал муфтия Ингушетии Ису Хамхоева в конфликте с главой республики Ю.-Б.Евкуровым. В данном случае политические разногласия были переведены в опасную религиозную плоскость, обернувшись попытками представить лояльного федеральному центру президента Ингушетии чуть ли не сторонником «приверженцев нетрадиционного ислама». Еще одной болевой точкой является южный Дагестан – одна из немногих территорий в РФ, где ощутимы конфессиональные противоречия между суннизмом и шиизмом. Кроме того, подавление мусульманских фундаменталистских (салафитских) общин в северных и центральных районах Дагестана способствовало их повышенной концентрации и отчасти радикализации на юге республики.

В условиях, когда Кавказский регион находится в непосредственной близости основного очага вооруженного исламизма джихадистского толка в Ираке и Сирии и одной из ключевых точек сектарных (суннито-шиитских) противоречий на Ближнем Востоке, ситуация в странах по обе стороны

Кавказского хребта, особенно в контексте исламистской радикализации и религиозной политики, а также влияние на нее крупных региональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и динамики сложных отношений между основными региональными державами заслуживает пристального внимания как со стороны государственных и общественных структур, так и научного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: de Waal, T. *The Caucasus: An Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2010; Jalali M.R. *The Caucasus and Central Asia: Entering the scene and composition of geo-strategic space* // *Caucasus and Central Asian Studies Journal*. 1993. V. 6. P. 115–124; Mesbahi M. *Russian foreign policy and security in Central Asia and the Caucasus* // *Central Asian Survey*. 1993. V. 12. № 2. P. 181–215; Çelikpala M. *Security in the Black Sea region* // *Commission on the Black Sea Policy Report*. 2010. V. 2. P. 23; Звягельская И.Д. Факторы нестабильности на постсоветском пространстве (Центральная Азия и Кавказ) // *Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии* / Отв. ред. А. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. С. 353–370.

² См.: Burger E.S., Cheloukhine S. *Counterterrorism in Areas of Political Unrest: The Case of Russia's Northern Caucasus*. (Springer Briefs in Criminology). – N.Y.: Springer, 2013; Kramer M. *Guerrilla warfare, counterinsurgency and terrorism in the North Caucasus: the military dimension of the Russian–Chechen conflict* // *Europe-Asia Studies*. 2005. V. 57. № 2. P. 209–290.

⁵ Матишов Г.Г., Пащенко И.В. *Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России*. Т. VI: Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи. Специальный выпуск / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 118.

⁷ База данных геоинформационной системы (ГИС) «Терроризм на Юге России». Свидетельство об официальной регистрации программы «Терроризм на Юге России (программа учета акций террористической направленности)» для ЭВМ № 2012612626 от 13.03.2012, созданной под руководством Г.Г. Матишова в Южном научном центре РАН.

⁸ ИГИЛ угрожает России: чего ждать от террористов, которые вернутся на Кавказ // *Российский институт стратегических исследований*, 11.11.2015. <http://riss.ru/smi/22807>.